

Пашковский И.А.

ИРАНО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ 1979 – 1981 ГОДОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

4 ноября 1979 года, воскресенье. События, происходившие в этот день в Тегеране, по своим последствиям были подобны мощному природному катаклизму. В разгар уик-энда, когда президент США Джеймс Э. Картер отдыхал в загородной резиденции Кэмп-Дэвид, из Ирана хлынул поток сообщений, одно тревожнее другого. Дело в том, что комплекс зданий посольства США с прилегающей территорией был оккупирован непримиримо настроенными иранскими студентами, захватившими в качестве заложников 52 сотрудника дипломатической миссии. В обмен на их освобождение студенты потребовали от США выдачи свергнутого шаха, прибывшего в Нью-Йорк на лечение.

Первой реакцией миллионов американцев были растерянность, горечь, недоумение, шок. Дж. Картер, необычно молчаливый и замкнутый, по возвращении в Белый дом признался репортерам: «Эти последние два дня стали наихудшими из всех». Госсекретарь Сайрус Вэнс воздержался от комментариев: «Сейчас не время для риторики, а время для спокойной, полезной и настойчивой дипломатии» [1].

Однако это лишь внешняя сторона событий, предсказанных некоторыми аналитиками задолго до их начала. Политическая акция такого масштаба не могла быть спонтанной, у нее имелись влиятельные закулисные режиссеры, которые преследовали вполне определенные цели. Несомненно, иранскую сторону можно обвинить в грубом нарушении норм международного права, выразившемся в несоблюдении дипломатического иммунитета и насильственном удержании иностранных граждан. Однако Соединенные Штаты вряд ли стоит рассматривать как невинную жертву: факты свидетельствуют о том, что власти США своими действиями спровоцировали кризис в ирано-американских отношениях. Как ни парадоксальна подобная мысль, но разразившийся конфликт, в принципе, был нужен и Тегерану, и Вашингтону. Некоторое замешательство в американских властных структурах в первые часы кризиса объясняется вовсе не тем, что в Белом доме исключали вероятность именно такого развития событий (ведь были же нападения на американские представительства в Тегеране и Тебризе в феврале 1979 года). Причина была в другом: американское руководство летом-осенью 1979 года придерживалось линии на достижение тактического перемирия с иранскими правящими кругами на почве антикоммунизма, ради сохранения стабильности в регионе, и активизировало контакты с Ираном. Решение принять шаха в США на этом фоне выглядело ошибочным. Творцы американской внешней политики явно недооценили вызов, брошенный сверхдержавам иранской революцией, и продолжали мыслить категориями “холодной войны”. События в Иране не вписывались в картину биполярного мира и выявили серьезные просчеты в политике Вашингтона на Среднем Востоке.

Конфронтация между Ираном и США назревала давно и по многим причинам стала неизбежной.

В течение всего 1979 года экономика Ирана находилась в кризисном состоянии. Осенью ситуация заметно ухудшилась. Вследствие непрекращавшихся забастовок и вооруженных стычек, охвативших многие районы страны, серьезно пострадали предприятия ведущих отраслей промышленности, в том числе добыча и переработка нефти. Резкое сокращение доходов от нефтяного экспорта обострило ситуацию на продовольственном рынке, более чем на половину зависевшем от поставок из-за рубежа.

Экономический спад, дороговизна и коррупция, бои в иранском Курдистане, массовая безработица и политическая нестабильность, усугубляемые эксцессами кампании по исламизации быта, вызывали резкое недовольство молодежи, не видевшей для себя перспектив, женщин, отстаивавших свое равноправие; рабочих, борющихся за права профсоюзов; крестьянской бедноты, ожидавшей аграрных преобразований. Именно на молодежь опирались крупнейшие леворадикальные группировки «Моджахедин-е хальк» и «Федаин-е хальк», требовавшие углубления революционного процесса и перешедшие в оппозицию к властям. Руководители исламского режима поняли, что теряют молодежь, утрачивают перспективу, их возможности манипулировать общественным сознанием сужаются. Борьба за умы и сердца молодых людей активизировалась. Не случайно в захвате американского посольства в ноябре 1979 года ключевую роль сыграла учащаяся молодежь, подавая пример преданности идеалам исламской революции.

Премьер временного правительства Ирана Мехди Базарган, политик либеральных взглядов, неоднократно имел возможность убедиться в том, что его кабинет является лишь техническим, лишенным политической инициативы учреждением, своего рода ширмой для реально правившего страной Исламского Революционного Совета (ИРС), созданного Хомейни. Выступая в сентябре 1979 года по местному телевидению, премьер-министр сравнил правительство с ножом без лезвия [2].

Итак, положение в Иране осенью 1979 года оставалось сложным, схватка за власть обострилась. Ключевые вопросы революции не получили своего решения, и недовольство масс нарастало. Процесс институализации новых властных структур затормозился. Разработанная учеными-теологами исламская конституция, закреплявшая теократическое правление, в создавшихся условиях могла вызвать в обществе резкое неприятие и не получить одобрения на объявленном общенациональном референдуме.

После бегства шаха из страны единство разнородных движущих сил революции ослабло. Поколебалась руководящая роль духовенства, иные политические группы пытались выдвинуться на первый план. Для достижения всей полноты власти и подавления оппозиции клерикалам нужна была основательная встряска общества, сплочение народа на основе понятных, разделяемых массами и в то же время отвле-

ченных от конкретики повседневной жизни лозунгов. Лучше всего объединяет внешняя угроза, а политика США, главного союзника и покровителя шаха, неуклонно способствовала формированию в сознании иранцев враждебного образа Америки. Брошенный духовенством в массы и подхваченный ими лозунг «Смерть Америке!» имел глубокие корни в истории ирано-американских отношений. Однако, вызвав переполох за океаном, он был предназначен скорее для внутренней политической мобилизации, и стал знаменем той самой исламской революции, о которой твердил Хомейни и которая подспудно вызревала в недрах народного общедемократического движения, подчинив его затем своим целям.

После свержения монархии в Иране камнем преткновения в отношениях Тегерана и Вашингтона стала проблема выдачи свергнутого шаха и возвращения вывезенных за рубеж шахской семьей ценностей. Интересы Мохаммада Резы Пехлеви в США лоббировали такие влиятельные лица, как Генри Киссинджер, Дэвид Рокфеллер, Фрэнк Синатра; в его судьбе принял участие один из мозговых центров экономической и политической элиты Запада – Совет по международным отношениям. Эти силы оказывали давление на Белый дом в целях предоставления М.Р.Пехлеви постоянного убежища в США. В то же время ведущие специалисты госдепартамента, опираясь на предупреждения из посольства в Тегеране, убеждали Белый дом не допускать шаха в США даже по гуманитарным соображениям. Так, помощник госсекретаря по политическим вопросам Дэвид Ньюсом пытался убедить своего шефа Сайруса Вэнса в том, что согласие предоставить М.Р. Пехлеви даже временную визу для обследования и лечения нанесет сильный удар по американским интересам в Иране. Вэнс не согласился с Ньюсомом и рекомендовал президенту Картеру удовлетворить просьбу шаха о въезде в США [3]. Картер оказался перед сложной дилеммой: если быть последовательным защитником прав человека (риторика Картера на эту тему широко известна), то шаху нельзя отказать; однако это нецелесообразно, если во главу угла поставить безопасность американских граждан в Иране. Президент уступил давлению могущественного прошахского лобби, и 22 октября бывший правитель Ирана прилетел из Мексики в Нью-Йорк, став пациентом Корнэлльского медицинского центра. Правительство Базаргана получило заверения в том, что шах болен и его визит не преследует никаких политических целей. Иранские власти выразили недовольство, в то же время от Базаргана последовали заявления по поводу защиты американцев в Иране от любых посягательств. Вскоре в Алжире состоялась секретная 90-минутная встреча помощника президента США по вопросам национальной безопасности Збигнева Бжезинского с иранским премьером, на которой, как стало известно, среди прочих обсуждалась проблема шаха и иранских долгов США. Один из видных иранских политиков Ибрагим Язди охарактеризовал отношения двух стран в те дни как «прохладные, но улучшающиеся» [4]. По просьбе Тегерана, США в обмен на нефть возобновили поставки запчастей для иранской военной техники. В Соединенных Штатах склонялись к точке зрения, что американским интересам на Среднем Востоке в создавшихся условиях в наибольшей мере соответствует поддержание в Иране стабильности. В Вашингтоне полагали, что иранским технократам при поддержке крупного бизнеса и военных в итоге удастся отсечь наиболее одиозных клерикалов от власти, ибо у последних не было ни ясной социально-экономической программы, ни опыта управления; либо духовенство под давлением обстоятельств откажется от радикальных лозунгов и развернет государственный корабль навстречу Западу.

По признанию лиц из окружения М.Р. Пехлеви, шах, оказавшись в изгнании, постоянно находился в депрессивном состоянии: слухи о его серьезном заболевании циркулировали давно и, как оказалось, были небезосновательными. В Корнэлльском госпитале шаху была сделана операция на желчном пузыре, проведен курс химиотерапии и иных процедур. Таким образом, состояние здоровья не позволяло ему заниматься активной политической деятельностью. От контактов с прессой он категорически отказался. В больничных покоях шаха посещали лишь его немногочисленные друзья. Вынужденный вскоре покинуть Америку, бывший монарх по приглашению президента АРЕ А. Садата прибыл в Каир. 27 июля 1980 года в Египте окончились дни последнего правителя из династии Пехлеви.

Вряд ли в Тегеране всерьез опасались попытки реставрации шахского режима: после мартовского (1979 г.) референдума, когда решился вопрос об исламской республике, монархический переворот стал мифом. Но логика политической борьбы, помноженная на личную неприязнь Хомейни к шаху, предредила незавидную участь последнего. Кампания за предание шаха суду призвана была сплотить общество под руководством имама и нейтрализовать внутреннюю оппозицию режиму. В общественном сознании демонический образ шаха прочно слился с образом его лицемерных покровителей за океаном, антишахские лозунги переплетались с антиамериканскими.

У антиамериканских настроений в Иране глубокие корни. Культурный обмен между США и Ираном давно уже превратился в агрессивное насаждение американского образа жизни, навязывание иранскому народу чуждых ему ценностей [5]. У большей части населения «вестернизация» вызывала протест и отторжение. Политолог А.С. Панарин, касаясь проблемы неэквивалентного межкультурного обмена, высказывает мнение о неизбежности противостояния культур-доноров, поставляющих информацию и определенные ценности и нормы, и культур-рецепторов, больше впитывающих чужую информацию, чем представляющих свою. Представители второй разновидности вынуждены компенсировать свою зависимость на рынке культурного обмена идеологическим контролем, более закрытым типом организации общества. Это ведет к целому ряду последствий, часто наблюдаемых в геополитике: обороняющиеся ведут себя порой более агрессивно, для них такое поведение служит средством защиты своей социокультурной самобытности. Агрессивность более слабых – один из парадоксов геополитики, который еще подлежит осмыслению [6]. С этих позиций захват посольства США, который стал для простых иранцев выражением давно вызре-

вавшего протеста, своего рода психологическим реваншем за годы унижения, следует рассматривать как ответную реакцию на мощное давление извне.

Бывший посольский комплекс США в Тегеране занимает площадь в 27 акров (около 7 га) и окружен кирпичными стенами высотой 3 – 3,5 м, а также защищен массивными металлическими воротами. Утром 4 ноября 1979 года на прилегающих к нему улицах стали собираться большие группы молодежи, которые скандировали антиамериканские лозунги и держали плакаты «Смерть Америке – прекрасная мысль!» и «Отдайте нам шаха!». Подобные митинги в столице были привычными; однако толпа все увеличивалась, напряжение нарастало. Вскоре стало ясно, что акция хорошо организована, и скандированием дело не ограничится. Анализируя специфику иранской политической кухни, бывший руководитель советской разведки А.В. Шебаршин, которому довелось быть очевидцем бурных событий той поры в Тегеране, отмечает: «... стоит приглядеться ко всему происходящему повнимательнее, и начинаешь обнаруживать, что видимая стихийность прикрывает четкую организованность – толпа собирается по сигналам, недоступным постороннему наблюдателю, шествует по продуманным невидимыми руководителями путям, срывается на вопль по команде и так же по команде умолкает. Как волосок не упадет с головы правоверного, если того не пожелает Аллах, так и ни один перс никогда, ни в 1829, ни в 1979 году не поднял бы руку на иностранца, если бы не была на то воля сильных мира сего» [7].

Примерно в 11 часов была перебита цепь, запиравшая ворота посольства, вышедшие на улицу Талегани, и толпа хлынула на его территорию. Часть нападавших бросилась к резиденции посла, где им не было оказано сопротивления (посол США Уильям Салливан еще в апреле отбыл на родину). Попытка дать отпор штурмовавшим была предпринята внутри двухэтажного здания канцелярии, известного как «Форт Апач», сверхпрочного сооружения, где хранились секретные документы. Морские пехотинцы (их было 13) в пуленепробиваемых жилетах и противогазах забаррикадировались на верхнем этаже и применили слезоточивый газ. Американские дипломаты обзванивали иранских официальных лиц в надежде на помощь. Ожидались инструкции от временного поверенного в делах США в Иране Л. Брюса Лейнгена, который пытался связаться с Базарганом из здания МИД Ирана. Примерно в час дня Лейнген отдал советнику посольства Виктору Томсету приказ об уничтожении секретных документов. Сотрудники миссии приступили к его выполнению, извлекая из сейфов бумаги, разрезая и сжигая их. Через некоторое время морпехи открыли дверь, и нападавшие ворвались в помещение. Они отобрали у американцев противогазы, связали им руки и завязали глаза.

В 16 часов территория посольства была полностью под контролем молодых людей, которые объявили себя членами организации «Исламские студенты – последователи курса имама Хомейни». Они выпустили «Коммюнике № 1» с разъяснением своей позиции: захват посольства и его сотрудников стал протестом против представления США убежища шаху, «который несет ответственность за смерть тысяч иранцев». Позже на место событий прибыл сын Хомейни Ахмад, который заявил, что, как и его отец, поддерживает действия студентов [8].

Среди захваченных американцев оказались дипломаты, морские пехотинцы, технические работники. Наиболее высокопоставленными пленниками стали политический секретарь В. Томсет, начальник охраны М. Холланд, бывший консул в Тебризе М. Мэтринко, секретарь по связям с общественностью Дж. Грэйвз. Поверенный в делах Лейнген не был задержан и оставался в здании иранского МИД в течение нескольких дней, поддерживая связь с госдепартаментом США.

Через некоторое время студенты обнародовали содержание двух секретных документов, которые персонал посольства, очевидно, не успел уничтожить.

Один из них был отправлен директором иранского отдела госдепартамента Генри Претчем Лейнгену в Тегеран 2 августа 1979 г. и содержал информацию о том, что шах может быть допущен в США, если откажется от претензий своей семьи на престол. Кроме того, в нем признавалось, что визит шаха мог бы создать серьезные проблемы для безопасности американцев в Иране, но содержалась оговорка: «У нас сложилось впечатление, что угроза персоналу посольства США сейчас меньше, чем весной». И далее: «В любом случае США не будут предпринимать ничего для уступки просьбе шаха до тех пор, пока мы не создадим и не опробуем новую, более эффективную систему охраны [посольства – И.П.]» [9].

Другой документ – это телеграмма, подписанная Сайрусом Вэнсом, адресованная в июле 1979 г. тому же Лейнгену. Вэнс запрашивает Лейнгена, какое воздействие визит шаха в США окажет на безопасность американцев в Иране и на американо-иранские отношения при условии, что шах отречется от престола и согласится воздерживаться от любой политической деятельности на американской территории. Вэнс также интересуется способностью правительства Базаргана обеспечить защиту жизни и имущества американцев в кризисной ситуации [10]. Оба послания неопровержимо свидетельствуют о том, что в США отдавали себе отчет в возможности негативных последствий присутствия М.Р. Пехлеви в Соединенных Штатах.

В руках студентов оказалось несколько других важных документов. Некоторые из них касались негласных контактов американцев с влиятельными иранскими политиками, в том числе людьми из ближайшего окружения Хомейни. В этой связи неоднократно назывались, например, имена И. Язди, С. Готб-заде и даже всемогущего аятоллы Бехешти, руководителя правящей Исламской Республиканской партии (ИРП). Угроза разоблачений заставила одних деятелей уйти в тень, других быть более сговорчивыми. Наглядный урок получили сторонники Базаргана. Используя обнаруженные записи бесед между сотрудниками посольства и многими из либеральных политиков, свидетельствующие о приверженности последних ценно-

стям буржуазной демократии, клерикалы обвинили их в шпионаже в пользу США.

Хомейни назвал захват посольства США «второй революцией, еще более крупной, чем первая». М. Базарган в очередной раз был поставлен перед свершившимся фактом. Не имея возможности повлиять на ход событий, 6 ноября он подал в отставку, которая незамедлительно была принята имамом [11]. Функции правительства были переданы членам ИРС во главе с Абольхасаном Банисадром, который объявил о начале коренных преобразований во всех сферах жизни. Очевидно, что акция студентов достигла поставленных перед ней внутривластных целей: исламское движение добилось контроля над всеми властными структурами, опираясь на народные массы, организованные в исламские комитеты, революционные трибуналы и отряды стражей. Мощные манифестации тех дней под антиамериканскими лозунгами свидетельствовали об укреплении режима. Внимание народа вновь было отвлечено от решения насущных проблем. В декабре 1979 г. на референдуме была утверждена новая конституция Ирана, закрепившая теократическое правление.

Далеко не все в Иране поддерживали действия студентов-последователей имама. Духовный руководитель Иранского Азербайджана аятолла Казем Шарият-Мадари в интервью газете «Техран Таймс» заявил: «Увязывание всех происходящих событий с американским империализмом не поможет решить ни одну из проблем...» [12]. Аналогичной позиции придерживалось духовенство в Иранском Курдистане. С критикой исламских студентов и их лидера ходжат-оль-ислама Мохаммада Мусави-Хоениха, которого поддерживала ИРП, выступил избранный в январе 1980 г. президентом Ирана А. Банисадр. Он доказывал, что затянувшийся кризис с заложниками наносит ущерб репутации страны в мире и дестабилизирует ситуацию внутри нее, однако не получил поддержки имама [13].

Администрация Картера оказалась ограниченной в выборе путей разрешения кризиса. Президент США сразу отклонил возможность военного решения. Шансы на благоприятный исход в этом случае оценивались как незначительные. Опрос, проведенный журналом «Тайм» в первые дни кризиса среди ведущих экспертов, выявил почти единодушное мнение о нецелесообразности силовой акции. Соединенные Штаты в начале ноября 1979 г. не располагали специальными военными подразделениями в кризисном районе. переброска из Форт-Брага (США) 82-й воздушно-десантной дивизии, предназначенной для быстрого развертывания в горячих точках, не могла остаться незамеченной иранцами. Впрочем, как показали последующие события, Белый дом отказался от применения силы лишь временно.

После отставки Базаргана в Вашингтоне сосредоточились на попытках урегулирования кризиса дипломатическими средствами. В Тегеран для переговоров с Хомейни в качестве личных посланников президента были направлены бывший генеральный прокурор Рамсей Кларк и эксперт госдепартамента Уильям Миллер. Оба в прошлом имели встречи с имамом и выступали за нормализацию отношений с иранским правящим духовенством. Однако имам отказался их принять. Безрезультатным оказалось посредничество со стороны ООП, направившей миссию во главе с советником Я. Арафата Абу Валидом. Не увенчались успехом дипломатические усилия, предпринятые Ватиканом и некоторыми другими странами. Хомейни был непреклонен, утверждая, что не предпримет ничего, пока США не депортируют шаха [14].

Вашингтон добился созыва чрезвычайного заседания Совета Безопасности (СБ) ООН для обсуждения создавшейся кризисной ситуации. Резолюция СБ была осторожной, в ней выражалась озабоченность задержанием американских граждан и содержался призыв к соседям Ирана оказать всемерную помощь в их освобождении мирными средствами. В 1980 г. ООН продолжала заниматься рассмотрением вопроса об ирано-американском конфликте. США представили проект резолюции, предусматривавшей введение против Ирана экономических санкций, в частности запрет на экспорт в эту страну любых товаров, за исключением медикаментов и продовольствия «до тех пор, пока заложники не будут освобождены». Проект резолюции, поставленный на голосование в СБ ООН не был принят, так как СССР проголосовал против. Признавая задержание сотрудников американского посольства актом, нарушающим нормы международного права, советский представитель отметил, что конфликт между США и Ираном является двусторонним спором, не подпадающим под действие главы VII Устава ООН, а поэтому применение санкций могло лишь обострить положение и создать угрозу миру [15].

Дипломатическая стратегия США с начала кризиса преследовала главную цель – изолировать Иран на международной арене и представить его в глазах мирового общественного мнения в качестве страны, практикующей государственный терроризм. Когда попытка добиться антииранских санкций в СБ ООН провалилась, администрация Картера решила проявить твердость. Персидский залив был объявлен зоной «жизненных интересов США», для защиты которых не исключалось применение военной силы. К берегам Ирана была стянута мощная ударная группировка, включавшая в себя до 40 боевых кораблей, в том числе 4 авианосца с 400 самолетами на борту. Общая численность американских военнослужащих в зоне Персидского залива достигла 34 тысяч человек. Пресловутая «доктрина Картера», в создании которой большую роль сыграл З. Бжезинский, обрела реальные контуры. Вашингтон использовал кризис с заложниками для восстановления утраченных позиций на Среднем Востоке [16].

8 апреля 1980 года президент США объявил о разрыве дипломатических отношений с Ираном и наложил эмбарго на американо-иранскую торговлю. В орбиту антииранской политики США были вовлечены такие страны, как Кения, Сомали, Оман, Бахрейн, Египет, с которыми Вашингтон заключил соглашения, позволяющие американцам использовать их территорию в военных целях [17]. К санкциям против Ирана присоединились Великобритания и некоторые другие страны НАТО, хотя и с оговорками.

Трагическая развязка конфликта едва не наступила в апреле 1980 г., когда американцы решились на

применение силы. Операция по освобождению заложников планировалась как высадка десанта в Тегеране с последующим освобождением персонала посольства и доставкой его на одну из военных баз в зоне Персидского залива.

В ночь с 24 на 25 апреля с борта авианосца «Нимитц», курсировавшего у берегов Ирана, поднялись 8 вертолетов. Но уже в начале операции один из вертолетов упал в море, второй потерял ориентацию в поднявшейся песчаной буре и вернулся на авианосец. По мнению Л.В. Шебаршина, дальнейший ход акции выявил ее недостаточную подготовку: «Авторы операции не учли природные условия в районе Табаса, вертолеты подняли при посадке облака пыли, столкнулись, две машины сгорели, восемь десантников погибли. Удивительно, насколько часто просчеты в очевидных, элементарных вещах срывают самые хитроумные планы» [18]. В итоге – полный провал.

Попытка высадки десанта стала неожиданностью не только для иранцев, но и для союзников США. «Это естественно – такого рода операцию может погубить утечка информации, – пишет Шебаршин, – хотя, думаю, не было ни малейшего шанса на успех десанта при любых обстоятельствах» [19].

Вскоре в пустыне в нескольких десятках километров от Тегерана были обнаружены обломки вертолетов, секретные документы и тела десантников. Реакция в Иране на неудавшуюся спецоперацию США была бурной: страну захлестнули антиамериканские демонстрации. В то же время усилились меры безопасности. Студенты – последователи курса имама объявили, что заложники были немедленно рассредоточены по нескольким населенным пунктам.

Определенные подвижки в деле мирного выхода из кризиса стали происходить осенью 1980 г., после начала затяжной ирано-иракской войны. Иранская армия оказалась в крайне тяжелом положении, так как с осени 1979 г. США прекратили любые поставки запчастей для ее нужд. Лоббируя интересы военных и стремясь ослабить противников из ИРП, президент А. Банисадр настаивал на освобождении заложников и начале переговоров с США по вопросам возобновления военного сотрудничества и возвращения иранских денег со счетов в американских банках. Высшее руководство Ирана сделало вывод о бесперспективности дальнейшего удержания заложников и согласилось с предложением Алжира о посредничестве в переговорах с США. Однако Банисадр был отстранен от участия в выработке американо-иранского соглашения.

19 января 1981 г. в столице Алжира состоялись секретные переговоры представителей Ирана и США, которые ознаменовали собой завершение конфликта из-за заложников, продолжавшегося 444 дня. Тегеран в обмен на возобновление военных поставок через третьи страны согласился немедленно выплатить шахские долги и проценты за хранение иранских авуаров в банках США. Проблема заложников разрешилась в течение считанных часов. Уже 20 января все 52 заложника оказались на свободе. Поднятый иранской стороной вопрос о возвращении ценностей, вывезенных за границу покойным шахом и членами его семьи, не получил окончательного решения. Стороны договорились продолжать контакты для урегулирования этой проблемы. По сути дела, не было удовлетворено ни одно из первоначальных требований Ирана. Тем не менее большинство иранских лидеров расценили достигнутое соглашение как «новую победу ислама» и «полную капитуляцию американской сверхдержавы». Президент А. Банисадр, напротив, охарактеризовал его как полное поражение [20].

Конфликт между Ираном и США стал выражением тех глубинных социально-экономических и политических процессов, которые привели к кризису всей системы международных отношений, сложившихся после II мировой войны. Утвердившаяся на основе глобального противостояния двух сверхдержав – СССР и США – биполярная политическая модель мира дала новую трещину. С переходом от прежнего двухполярного и в целом более жестко управляемого мира к современному полицентричному в международной политике усилилась нестабильность и непредсказуемость. В этой связи брошенный Ираном Америке вызов можно рассматривать как притязание на формирование в перспективе нового глобального центра силы.

Внешнеполитические последствия захвата американского посольства для Тегерана были неблагоприятными: Западу удалось нанести ущерб его экономике и политическому престижу. Что касается иранской внутренней политики, события 4 ноября 1979 г. стали важной вехой на пути восхождения ортодоксально-шиитского духовенства к вершинам безраздельной государственной власти. Конфронтация с США позволила ему использовать народное движение в своих интересах, способствовала устранению с политической сцены всякой легальной оппозиции. Явью стала отразившая специфику иранского пути развития конституция 1979 г., закрепившая приоритет религиозного правления над светским. Очевидно, что провозглашение борьбы с американским империализмом и заявления об экспорте исламской революции использовались иранскими правящими кругами для решения конкретных внутривнутриполитических задач. Как метко заметил А. Тойнби, «парадоксальным, но глубоко истинным и важнейшим принципом жизни является таковой: для того, чтобы достигнуть какой-либо определенной цели, следует стремиться не к самой этой цели, но к чему-то более возвышенному, находящемуся за пределами данной цели» [21].

Как же оценивают рассматриваемые события более чем двадцатилетней давности нынешние иранские власти? Действующий президент Ирана Сейед Мохаммад Хатами в интервью корреспонденту CNN от 7 января 1998 г. по этому поводу сказал следующее: «Чувства наших людей были очень сильно задеты политикой США, ... в горячке революционной борьбы могут происходить вещи, которые невозможно сдерживать или рассматривать с точки зрения обычных норм. Это был гневный протест народа против унижений и неравенства, навязанных политикой США...». Президент назвал захват заложников «чрезмерной реакцией» на американское вмешательство и добавил: «... это ничто по сравнению с несправедливостями, причи-

ненными иранскому народу» [22]. На основании этих заявлений можно сделать вывод о том, что точка зрения официального Тегерана за истекшие годы не претерпела изменений.

США использовали обострение отношений с Ираном для восстановления своих позиций в зоне Персидского залива, подорванных антишахской революцией; более того, их военное присутствие в этом регионе усилилось. Дж. Картер в январе 1980 г. сформулировал основы глобальной стратегической программы, на которой стала базироваться американская внешняя политика («доктрина Картера»). Раздутая средствами массовой информации США антииранская истерия, хулиганские выходки местных ура-патриотов против иранских граждан, многочисленные требования депортировать всех иранцев из Америки, и, наконец, применение против Ирана экономических санкций и силовых методов, с удовлетворением воспринятое многими американцами, – все эти факты еще раз подтвердили, что американское общество заражено шовинизмом и склонно поддерживать использование военной силы за рубежом, лишь бы оно было эффективным. В Вашингтоне выдвинули против Ирана целый ряд обвинений, в том числе в поощрении международного терроризма и несоблюдении договора о нераспространении ядерного оружия, и продолжили в отношении Тегерана политику давления и санкций. При этом американские деловые круги ревниво следили за тем, чтобы конкуренты не закреплялись на иранском рынке. После освобождения заложников конфликт между США и Ираном приобрел более цивилизованную форму, но далеко еще не исчерпан. Оценивая перспективы развития двусторонних отношений, президент Хатами подчеркнул: «Существует огромная стена недоверия между нами и администрацией США, и это недоверие вызвано неправомерными действиями американского правительства... Сначала в этой стене недоверия должна образоваться трещина, которая подготовит дальнейшие изменения и создаст возможность изучить новую ситуацию» [23].

Все политические кризисы когда-нибудь завершаются. Являясь следствием столкновения противоречивых интересов, они надолго определяют векторы последующего развития стран и регионов. Ирано-американский конфликт 1979 – 1981 годов снова подтвердил мысль, что в нашем беспокойном и изменчивом мире путь диалога для выхода из кризисных ситуаций является предпочтительным. В то же время он стал отражением новой расстановки сил на Ближнем и Среднем Востоке, тех фундаментальных сдвигов в мировой политике, которые знаменуют собой становление многополюсной политической структуры мира.

Источники и литература

1. Blackmailing the U.S. The Lives of some 60 Americans Hung in the Balance in Tehran // Time. - Nov. 19. - 1979. - P.18.
2. Time. - Nov. 19. - 1979. - P. 24.
3. Time. - Nov. 19. - 1979. - P. 21.
4. Time. - Nov. 19. - 1979. - P. 20.
5. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. - М.: Восточная литература, 1996. - С. 142, 149, 151.
6. Панарин. А.С. Философия политики. - М.: Новая школа, 1996. - С. 110-111.
7. Шебаршин Л.В. Рука Москвы. Записки начальника советской разведки. - Киев: Стодола, 1993. - С.140.
8. Time. - Nov. 19. - 1979. - P. 23.
9. Time. - Nov. 19. - 1979. - P. 23-24.
10. Time. - Nov. 19. - 1979. - P.24.
11. Агаев С.Л. Иран между прошлым и будущим. События, люди, идеи. - М. : Издательство политической литературы, 1987. - С. 79.
12. Там же. - С. 83.
13. Там же. - С. 87.
14. Time. - Nov. 19. - 1979. – P.26.
15. Петровский В. ООН в 1980 г. // Международный ежегодник. Политика и экономика. - М. Издательство политической литературы, 1981. - С. 275.
16. Комаров В. Иран: Сложный этап развития революции // Международный ежегодник. Политика и экономика. - М. Издательство политической литературы, 1981. - С. 242.
17. Балуевский Ю.Н. Инструмент американского гегемонизма // Военно-исторический журнал. - 2001. - Февраль. - С. 3-5.
18. Шебаршин Л.В. Указ. соч. - С. 126.
19. Там же. - С. 126.
20. Агаев С.Л. Указ. соч. - С. 95-96.
21. Тойнби А. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991. - С. 515-516.
22. Интервью Президента Ирана Сейеда Мохаммада Хатами корреспонденту CNN 7 января 1998 года // Близькосхідний кур'єр. - 1998. - С.39.
23. Там же. - С. 40.